

Диалог о книге

П.В. Лукин.

Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя

В 2022 г. увидела свет книга известного учёного, крупного специалиста по древнерусской истории доктора исторических наук Павла Владимировича Лукина¹. Этот труд представляет собой опыт компаративного исследования, призванного отметить как общие черты, так и существенные различия между двумя лежавшими в противоположных частях Европы средневековыми политическими образованиями – Светлейшей Венецией и Господином Великим Новгородом. Сходство двух «торговых республик» кажется очевидным (особенно малоподготовленному читателю). Есть, однако, и основания для скепсиса, заставляющие специалиста вместо прямых аналогий и параллелей прибегнуть к синхростадиальному методу исследования.

Существует ли если не «общий аршин», то, по крайней мере, более или менее гибкая рулетка, пригодная для измерения как русских саженей, так и венецианских кавеццо? Спора на эту тему книга Лукина, разумеется, не прекратит, тем более что такой цели перед собой автор и неставил. Тем не менее его труд способен дать немало аргументов и поводов для размышлений в данном направлении. Вниманию читателей представляются результаты дискуссии о книге, в обсуждении которой приняли участие доктора исторических наук А.Ю. Дворниченко, В.Н. Захаров, М.М. Кром и кандидат исторических наук Т.А. Матасова.

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым

Виктор Захаров: Взгляд заинтересованного читателя

Viktor Zakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The view of an interested reader

DOI: 10.31857/S2949124X24060019, EDN: RNFDMW

Монография П.В. Лукина представляет собой развёрнутую реализацию компаративистского метода. На протяжении всей книги проводится сравнительно-историческое исследование средневековой истории двух значимых городов – центров обширных территорий, расположенных в различных регионах Европы: Новгорода Великого и Венеции. Сравнивать, конечно, можно «всё со всем», но в данном случае выбор объектов сравнения оправдан хотя бы потому, что оба города демонстрируют вариант политического развития, отклоняющийся от основного тренда, характерного для большинства стран эпохи Средневековья с их феодальной монархией, иерархией, сеньорами и вассалами, герцогами, князьями и рыцарями. Вместе с тем и Новгород, и Венеция могут быть

¹ Лукин П.В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.

отнесены при всём их своеобразии к весьма типичному явлению средневековой истории Европы. Без труда найдутся немало примеров, которые можно рассматривать как феномен политического бытия в форме *республики* на фоне доминирования монархического начала в большинстве окружающих и дальних стран. Более того, если на Руси XII–XV вв. Новгород и Псков по политическому устройству представляли собой нечто нетипичное, чтобы не сказать уникальное, то Венеция в Италии того же периода исключительной не была. В Средневековье на севере и северо-востоке Италии, а также в Тоскане существовало немало городов, вместе с прилегающей территорией представлявших собой небольшие государства с республиканским правлением². Наиболее известные из них – Падуя, Феррара, Милан, Верона, Пиза, Лукка, наконец – Сиена, знаменитая соперница Флоренции. Ныне существующая республика Сан-Марино – в известной степени реликт той политической ситуации и давно минувшей эпохи. Нельзя не упомянуть и Геную – соперницу Венеции. Северо-итальянские республики создали своё объединение, Ломбардскую лигу, в составе которой отстаивали общие интересы перед лицом притязаний императора Германской империи. При наличии соответствующего материала можно провести компаративистские исследования, сопоставляя Новгород и Псков с любой из вышеназванных республик.

Правда, автор монографии считает, что Венеция, политическая структура которой стала результатом длительной трансформации византийского «дуката», существенно отличалась от других итальянских коммун, возникших в ходе борьбы против феодальных сеньоров. Посему именно Венеция типологически наиболее близка Новгороду (с. 13). По этому поводу всё же следует уточнить, что Венеция, как и другие итальянские республики, связана с античной традицией: город на островах лагуны был основан выходцами из древней Аквилеи, одного из крупнейших городов Римской империи, разрушенной варварами в VI в.³ Кроме того, разве изгнание князя Всеволода Мстиславича в 1136 г. из Новгорода нельзя трактовать как стремление освободиться от доминирующей власти Рюриковичей в лице представителя её старшей линии? А венецианцы, в отличие от Новгорода, не восставали против феодальных сеньоров. И в этом смысле история Новгорода сопоставима с другими республиками Северной Италии, Ломбардской лигой и т.д.

Впрочем, эти уточнения ни в коей мере не ставят под сомнение корректность и продуктивность выбранных автором для сравнения городов. Дело не только в сходстве Новгорода и Венеции как метрополий, имеющих обширную периферию. Не менее (если не более) важно, что в обоих государствах (назовём их так) налицо тенденция к установлению олигархии на фоне борьбы или противодействия со стороны большей части городских жителей. Это и стало, на мой взгляд, генеральной линией книги.

Жанр «Диалога о книге» отнюдь не предполагает рецензии. Скорее онначен на обмен мнениями, которые возникают при прочтении работы. Становится всё более прочным убеждение, что слова и термины, в том числе политические, меняют свой смысл и суть, особенно те, что существуют в течение веков. При этом особое значение имеет интерпретация имеющегося исторического материала, в том числе понимание терминов исходя прежде всего из

² История Средних веков. Т. 1 / Под ред. С.П. Карпова. М., 2010. С. 441.

³ Там же. С. 478.

контекста и содержания самих источников, а вовсе не под влиянием «определенной внеисточниковой концепции». Приверженность этому принципу автор заявляет в одной из своих фундаментальных работ⁴, неуклонно следует ему и в рассматриваемой книге.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на термин «республика». Средневековый Новгород, имея в виду его политический строй, обычно имеют республикой, хотя в реальной истории он такого названия не имел. Это наименование вполне применимо по отношению к Новгороду и к той же Венеции, но важно учитывать его значение применительно к рассматриваемой эпохе. Современный смысл понятия «республика» сформировался, когда серия революций раннего Нового времени вела к сокрушению наследственных монархий, и на смену им приходила власть, избираемая и сменяющаяся в результате выборов. Проще говоря, в нынешнем понимании «республика» – это «не монархия».

В эпоху Средневековья, как показано в книге Лукина, это понятие имело несколько иной и по-своему глубокий смысл, ближе к значению самих латинских слов, из которых оно сложилось: *res publica*, т.е. общее дело, а точнее дело публичное или дело народное. В синонимичном ряду здесь оказываются слова, производные от латинского слова *common*, что как раз и означает «общий». Отсюда набравшие силу в Средневековые термины «коммуна» (городская), а также *Commonwealth*. Следовательно, в семантическом смысле Новгород Великий, признаваемый республикой, может считаться и коммуной. В Британии слово *commonwealth* в значении «общее благо» возникло в XV в. и по смыслу совпало с *res publica*. Наконец, хорошо известно понятие «Республика», а именно *Recz Pospolita* в названии Польско-Литовского государства в 1569–1795 гг. Но в Польше оно обнаруживается ещё во времена Высокого Средневековья, а именно в сочинении хрониста XIII в. Винцентия Кадлубека⁵.

Если в современном понимании «республика» означает политическое устройство с выборной властью, исключающее наличие какого-либо монархического института, то в Средние века, судя по всему, наличие или отсутствие монархической власти не являлось главным критерием. В те времена понятия «республика» и аналогичные по смыслу термины означали в первую очередь единство полноправных жителей, автономно или независимо обеспечивающих (защищающих) общие интересы. И уже в зависимости от этого ими создавались соответствующие органы власти, могли в той или иной форме использоваться монархические институты, также призванные служить «общему делу». В соответствии с этим в республиках развивалась идеология, нацеленная не столько на обоснование политического строя (он подразумевался вполне естественным), сколько на обеспечение идеи независимости, самостоятельности, самобытности. Важно было бороться не только с притязаниями соседних феодальных сеньоров, но и с самой идеей универсализма, характерной для Высокого Средневековья, нашедшей на Западе выражение в стремлении построить всеобъемлющую империю (в те времена это прежде всего Священная Римская империя германской нации), или с идеей верховенства папской власти над всеми светскими правителями.

⁴ Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2018. С. 9–10.

⁵ Mistrz Wincenty (tzw. Kadłubek). Kronika Polska. Przełożyła i opracowała Brygida Kürbis. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. S. LXI, 175.

На Руси сложилась несколько иная ситуация. Земли Северо-Восточной и Северо-Западной Руси (включая Новгород) находились в зависимости от Орды. Соперничая за ярлык ханов на великое княжение, к доминированию здесь стремились князья тверские и московские. В конце XIV в. это право неизбежно утвердились за Москвой, которая смогла продолжить усилия по объединению русских земель. Гегемонистские устремления на востоке Европы демонстрировало и Великое княжество Литовское в период своего расцвета. Всё это было важной предпосылкой к отставанию Новгородом самостоятельности, в том числе средствами идеологии и символики.

Итак, республики в эпоху Высокого Средневековья представляли собой политические структуры, противостоящие стремлению к универсализму и общему единению, исходящему от разных влиятельных сил.

Сопоставляя тренды политического развития на протяжении веков, Лукин пришёл к выводу, что олигархату в Венеции удалось установить свою власть в полной мере, в отличие от Новгорода, где вече даже в XV в. могло блокировать решения «господы». Если это в самом деле так, то что было причиной подобного различия? Определённого ответа на этот вопрос в книге нет. Однако вопрос этот важен, тем более что подобная тенденция характерна практически для всех республик Северной и Средней Италии, где олигархи повсеместно взяли верх, а в ряде случаев отдельные аристократические фамилии сумели установить и монархическую власть. Следовательно, речь идёт о некоторых существенных различиях в политической ситуации в Северной Италии и на северо-западе Руси. Можно предположить, что в Италии гораздо большее влияние оказывали традиции публичного права, сохранявшиеся на руинах древнеримской цивилизации. Опираясь на них, аристократы и олигархи могли конструировать политические институты, позволявшие им концентрировать власть в своих руках. Или можно объяснить это большими материальными возможностями местной элиты в связи с тем, что столицы местных республик были крупными центрами торговли и производства, на процветании которых базировалось могущество олигархических кланов? В любом случае этот вопрос следует оставить дальнейшему вниманию специалистов.

На первый взгляд складывается впечатление, что в духе компаративистского подхода автор одинаковое внимание уделяет двум объектам сравнения: Новгороду и Венеции. Но в результате более внимательного знакомства с книгой возникает убеждение, что он стремится сказать прежде всего о Новгороде. Книга и её метод – это способ провести и аргументировать ряд собственных мыслей, важных для автора и интересных для историографии Новгорода. В этом ряду стоит целое исследование об идеологемах и символах новгородской независимости: повести о Гостомысле, иконе Знамения, образе святой Софии. Рассматриваемые параллельно вопросы о «тroyянском» происхождении Венеции и её покровителе святом Марке призваны оттенить и более ярко дать образы и символы Новгородской республики, подчеркнуть их своеобразие, с одной стороны, и проявление их общеевропейской сути – с другой. Что же касается своеобразия, интересно, что новгородцы в своей исторической памяти обращались не только к преданию о Гостомысле, но и подчёркивали значение легенды о так называемом призвании варягов, которая и возникла на севере Руси. Получается, что венецианцы в их приверженности к «тroyянской легенде» полностью исключали какое-либо монархическое начало в своей политической жизни; новгородцы же, напротив, считали, что их свободы

и вольности дарованы князьями. В этой связи следовало, наверное, упомянуть и о «грамотах Ярослава», которые также имели символическое значение в новгородской традиции. Так или иначе они имелись в виду в договорах Новгорода с князьями в последующие века. Это важно понимать, поскольку в отличие от Венеции, исключившей после освобождения от Византии всякое монархическое начало, Новгород Великий существовал на территории, где действовала власть клана Рюриковичей. И как во времена доминирования Киева, так и в период Великого княжества Владимира (а затем и Московского) Новгородская республика должна была в любом случае выстраивать отношения с князьями и иметь для этого нужные исторические и идеологические аргументы.

Конечно, говоря о символике Новгорода, Лукин не мог обойти вопрос о святой Софии. Он достаточно цельно и последовательно раскрыл процесс становления этого образа как крайне значимого для понимания новгородцами их самобытности и идентичности. Можно было бы обратить внимание, что, обращаясь к образу святой Софии как к своему символу, новгородцы заявляли и о приверженности к общерусской христианской традиции, ведь главный храм Киева также посвящён святой Софии, что в свою очередь ведёт нас к Софийскому собору Константинополя. Это не могли не учитывать и в Москве⁶. Во время присоединения Новгорода к единому Российскому государству в Московском Кремле возвели Успенский собор, на восточном фасаде которого над апсидами на одной из трёх фресок, видимо, середины XVI в. изображена святая София в образе огнезрачного ангела, как это было принято в Новгороде Великом.

Наконец, в рассуждениях автора о своеобразии и самобытности Новгорода не может не привлечь внимания крайне интересная идея, практически не согласующаяся с главными трендами отечественной историографии Новгорода последних десятилетий. Это вывод о том, что во время решающего противостояния с Москвой в конце XV в. в массе своей новгородцы стояли за сохранение независимости республики (с. 177–178). Ныне, как и прежде, широко распространено мнение, отразившееся не только в научной, но и в популярной, а также учебной литературе, что симпатии простых новгородцев находились на стороне Москвы, и они, если и оказывались в войске, действовали без всяко-го энтузиазма. В соответствии с этой версией, определённо антимосковскую позицию занимало новгородское боярство, заинтересованное в сохранении доминирующего положения и ради этого готовое пойти на союз с Литвой. Эта концепция последовательно и с должной аргументацией проводится в трудах В.Л. Янина, признанного классика отечественного «новгородоведения». В монографии, изданной в начале нынешнего столетия и суммирующей исследование учёного, говорится о нежелании простых новгородцев, которые не имели прямого отношения к военному делу («и родився на лошадях не бывал»), сражаться против великого князя, что непосредственно подтверждается данными летописи. Это и стало одной из основных причин разгрома новгородцев в решающей битве на Шелони в 1471 г.⁷ Точно также, буквально накануне падения независимости Новгорода в 1477 г., при попытке консолидации боярских

⁶ Подобедова О.И. Система настенных росписей Успенского собора в свете некоторых идей русской государственности конца XV века // Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля – 500 лет. М., 1979. С. 56.

⁷ Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2013. С. 343.

группировок в их антимосковской борьбе вновь «въсташа чернь на бояр, а бояри на чернь», что находит подтверждение в летописях Архангелогородской и Псковской⁸. Но и Лукин приводит весомые аргументы в обоснование своей версии, ссылаясь на летописные данные. Оставляя их разбор специалистам, отмечу, что в любом случае вопрос о роли широких слоёв населения Новгорода в противостоянии с Москвой заслуживает внимания и требует дальнейшего, более детального рассмотрения.

Есть ещё одно соображение, которое часто возникает при чтении работ по истории Новгорода, да и Венеции тоже. Хорошо известно, что могущество той и другой республики определялось их ролью в торговом мире Средневековья. Венецианцы играли ведущую роль в средиземноморской торговле. Новгород Великий активно взаимодействовал с немецкой Ганзой, доминировавшей в торговле на Балтике – «Средиземном море Северной Европы». Очевидно, это стало одним из важнейших факторов, сподвигнувших автора книги сопоставить именно Венецию и Новгород. Но если мы говорим о торговле как основе могущества обеих республик, то где же её роль в перипетиях их политической истории? Какое место в политической системе и политической жизни принадлежало субъектам торговой деятельности – купцам?

В книге Лукина речь идёт в основном о вече, аренго, посадниках, боярах, аристократах, дожах. Конечно, это отнюдь не упрёк автору, предмет и задачи его исследования очерчены и ясны. Но всё же нельзя не сказать, что во многих книгах и статьях о средневековых республиках, могущество коих зиждалось на торговле, мало говорится о том, как эта торгово-экономическая мощь воплощалась в политическом строе. О новгородском купечестве мы чаще узнаём из былины о Садко и одноимённой оперы Н.А. Римского-Корсакова. Если купцы оставались своего рода агентами бояр и аристократов, то всё же какой-то вес в республиканском строе они могли иметь? Или не могли? И каким образом правящие олигархи в Венеции и бояре в Новгороде коммутировали («капитализировали»?) торговое процветание республик в собственную власть? Об этом в своё время писал М.Н. Покровский в связи с теорией «торгового капитализма»⁹. Но в дальнейшем данный вопрос не нашёл в историографии подробного освещения (при всей высокой оценке работ А.Л. Хорошкевич, Н.А. Казаковой, М.Б. Бессудновой и других авторов)¹⁰. Намного понятней в этом плане ситуация, возникшая в раннее Новое время, когда представители торгового капитала заняли прочные позиции в политической системе ряда государств Европы, например, Республики Соединённых Принципий (Нидерландов) или Англии. Ведь Иван Грозный знал, что в Англии, «мимо» королевы Елизаветы «люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые»¹¹. А какова же была роль «мужиков торговых» в политической жизни Новгорода Великого?

⁸ Там же. С. 346–347.

⁹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времён. Т. 1. Л., 1924. С. 113, 117, 124, 133.

¹⁰ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XV в. Л., 1975; Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963; Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015.

¹¹ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 142.